

ИСТОРИЯ ЧЕРЕЙСКОЙ (до «КЕНИГСБЕРГСКОЙ») ЛЕТОПИСИ

(Исследование Роальда Романова)

«Сия книга точный список Несторовой летописи, сделанный в Кенигсберге по повелению Государя Императора Петра Великого в 1713 году. Шлецер дополняет: Петр видел рукопись еще в 1697 году...» - в Черейском Троицком монастыре, несомненно, писал А.Л. Шлецер, готовя к изданию полный текст летописи Черейского Троицкого монастыря (а не ее начальную «Несторову летопись»). Польские историки уделяли значительное внимание Черее; ведь после 1-го раздела Речи Посполитой в 1772 году (когда восток бывшего Витебского воеводства отошел к России) - Черее стала центром восточного воеводства ВКЛ. Тогда «Несторова летопись» стала «Польской» и даже Сапеговская «жалованная грамота, которая хранилась в Черейском монастыре в 1752 г. была в Полоцком городском суде переведена с русского на польский». Это знали Татищев, Карамзин, несомненно, и акад. Шахматов, «уточнявший» немецкого историка, проф. А.- Л. Шлецера без упоминания Черей: «В 1697 г. Петр видел эту рукопись в Кенигсберге, когда великое посольство, в свите которого он находился, направлялось в Европу» (ПСРЛ, т. 38, Радзивилловская летопись, Предисловие). Петра не могла в 1697 г. заинтересовать «Несторова летопись» (ее он прочел в детстве и юности). Глубоко заинтересовали молодого Царя Черейские достижения прадеда Федора Никитича Романова (Филарета) в борьбе за Московский трон, доставшийся Михаилу Романова (деду Петра). Не случайно в истории Дома Романовых «забыта» Черее, где «по прибытии в чужую страну Филарета поместил в своем доме Лев Сапега... Королевич в грамотах к москвичам, избрание царем Михаила объяснял происками Филарета митрополита». - (Романовы, Исторические портреты, М., 1998, с. 31, 48). Из Черей в 1708 г. царь Петр увез в столицу на Неве список Черейской иконы Божьей Матери; ту Черейскую Чудотворную Троицкую икону Божьей Матери, которую подарил Смоленский епископ Мисаил в 1475 г., увезли в Ленинград в 1938 г. Один из последних списков этой иконы Елена Севостьяновна Романова (бабушка автора) перенесла в Черейскую Михайловскую церковь (в 1942 г. для возобновления там служб - через год тот список исчез бесследно).

В 1845 г. Могилевские губернские ведомости опубликовали «Повесть о Черейской Чудотворной иконе Божьей Матери Белоцерковской Троицкой церкви Сенненского уезда – из Польской летописи с исправлениями по Карамзину. Дар епископа Смоленского Мисаила Пеструцкого». Эта «Повесть...» ознаменовала начало «утраты» Бога Отца на всех Троицких иконах Черейской Божьей Матери переименованных в (не Троицкие) «Знамения»; Троицкую церковь на Красной площади Москвы переименовали в «Собор Василия Блаженного», Троицкую церковь Подмосковных Дубровиц в «Церковь Знамения Пресвятой Богородицы» и т.д. (Роальд Романов, Почему «утрачена» Черейская икона Божьей Матери..., Минск, 2011). Не менее удивительна история переименования Черейской «Польской летописи» в Кенигсбергскую: «В 1711 г. Петр снова проездом побывал в Королевской библиотеке города Кенигсберга и повелел изготовить копию с

Радзивилловской (Черейской – Р.Р.) летописи для своей личной библиотеки. Копия была прислана Петру в 1713 году, а после его смерти, поступила в Библиотеку Академии наук». (Обзор фондов рукописного отдела Библиотеки А.Н., Выпуск. 1, М.-Л., 1956, с. 307). Ту копию летописи изучали Г.-З. Байер, В.Н. Татищев, Г.-Ф. Миллер и М.В. Ломоносов (под его руководством она готовилась к изданию). «Копия, переплетенная в сафьяновый переплет, хранится в библиотеке Академии Наук в папке с вытесненным на ней названием «Список Кенигсбергского Нестора» - констатировал в 1902 г. А.А. Шахматов. Но ведь Киевский летописец Нестор (скончавшись в 1014 г.) не мог повествовать до 1206 г., - это «недоразумение» в 1818 г уточнял Президент Академии наук Сергей Уваров, написав на листе «в» Радзивилловской или Кенигсбергской летописи: «Книга, ИМЕНУЕМАЯ Радзивилловский или Кенигсбергский список Несторовой летописи, принадлежит библиотеке Императорской Академии наук...». (Радзивилловская летопись, текст, М., 1994, предисловие.) - «Пекарский писал, что в 1761 г. начата печатанием летопись Нестора по Кенигсбергскому списку по распоряжению Тауберга, о чем Шлецер написал: «Мюллер за много лет перед этим предлагал печатать рукопись, Тауберг приказал изменить или подновить». Известно и «о замедлении скорого издания, происходящем от многочисленных занятий г. Оленина, работавшего над летописью,... невзирая на все требования он отказался вернуть летопись Академии... По мнению Оленина, издание следовало снабдить некоторыми из любопытнейших рисунков, относящимися к древним обычаям».

Вероятно, директор Императорской Публичной библиотеки А.Н. Оленин не нашел для этого бумагу с «польским» водяными знаками, конца 15 в. Тем не менее, акад. Шахматов утверждал: «В первой половине 16 столетия «Радзивилловская летопись не покидала той области, где она возникла, т.е. Московского и Владимирского уезда» (А.А. Шахматов, Радзивилловская или Кенигсбергская летопись, СПб, 1902, , с. 10). Однако, в этом же издании Н.П. Кондаков опубликовал статью «О миниатюрах Радзивилловской летописи» (с. 115 – 127), где отметил «высокие белые войлочные шапки явно белорусского происхождения, но изображаются и в иудейских шапках, многие детали костюмов и золотых уборов западного происхождения. Характерно для Белой Руси погребение в курганах, вежи на колесах. Внимательное рассмотрение (за немногим исключением) заставляет отнести подробности к суздальскому быту, который был настолько под влиянием ближнего запада (скорее всего Галича, также Польши)... Одежда князей западная, широкие рукава, светлая легкая материя; женщины в приталенных платьях и по западной моде их приподнимают спереди, обнаруживая цветное нижнее платье. Наиболее любопытны для Суздаля башмаки романского типа». В 1905 г. В.И. Сизов отметил «особенное обилие немецких влияний в миниатюрах...», а Д.В. Айналов - «ясные следы немецкой живописи и гравюры... близкие тем, которые воспроизводили рисовальщики древнего Полоцка, Гродно, Риги». В начале 20-го в. появились публикации, побывавших в Черее Д.И. Давгялло, Е.Р. Романова и др. «западников».

А.А. Шахматов в «Заметке о месте составления Радзивиловского (Кенигсбергского) списка» (М., 1913) – был вынужден признать: «Радзивиловский список, старейший среди дошедших до нас лицевых летописных сводов. Большая часть особенностей списка ведет нас несомненно к Западу, к белорусской области. На основании всех этих данных казалось бы возможным признать Радзивиловский список белорусским памятником. Но этому препятствуют типичные великорусизмы. Принимая во внимание скрещение белорусских особенностей с великорусизмами, признаю наиболее вероятным предположение, что он составлен в области пограничной... Можно предположить, что Радзивиловский список составлен в Смоленске». Но ведь «7 октября 1475 г. Смоленский епископ Мисаил в своей записи свидетельствует, что он «уделал» в Черее храм Св. Троицы и монастырь и дал сему монастырю всех людей и села свои, которые достались после раздела отцовского достояния ...» Академик не мог не знать, что «записи Мисаила», хранились в казне Черейского монастыря, а «Мисаил – епископ Смоленский (1445 -1477), родом из князей Бабичей - Соколинских являлся основателем Черейского монастыря в Головле. Ему приписывается летопись за 1254 – 1425 г. и лист, которым он поручает основанный им монастырь заботам своей племянницы и ее мужа Богдана Сапеги. Ум. в 1477 г.» - (Энциклопедический словарь, Брокгауз и Ефрон, Биографии, т.4). Этот «лист Мисаила» также хранился в казне монастыря. Ведь тот «Богдан – писарь-секретарь короля Казимира. Помог, заключенный в 1475 г. брак с Теодорой, дочерью Бабича – Соколинского. Ее мать была в родстве с Ольгердовичами...». Следовательно, Мисаил (брат Теодоры) тоже был в родстве с Ольгердовичами и летопись, «которую ему приписывают за 1254 1425 г.» повествовала о взаимоотношениях Ольгерда, Витовта (внука Ольгерда), Василия Московского (зятя Витовта); эти сведения Мисаила (из «польской летописи» Черейского Троицкого монастыря) проявлялись в дореволюционных энциклопедических изданиях.

Например: «Витовт – сын Кейстута , в кн. литовский, во крещении – православном и втором католическом Александр, первом католическом Виганд (1350 – 1430). Участвовал в походах отца на Москву (1368 и 1372 гг.), Польшу и Пруссию. По смерти Ольгерда (1377) В. боролся с его наследником Ягайломъ... В 1390 г. В. при помощи Тевтонского ордена стал отвоевывать Литву. В это же время (1390) произошло сближение В. с Москвою, вел. кн. Василий женился на дочери Софье... Литовское боярство было предано В., потому что он... выставлял независимость Литвы... В. образовал сильное государство... умело спаянное единым антипольским настроением... В руках у В. был и идейный центр русской земли – Киев, чем В. и пользовался, проявляя заботы о православии... В 1395 г. В. присоединил к Литве сравнительно слабый и территориально связанный с нею Смоленск; в 1395 – 96 гг. удачно боролся с Рязанью, в 1397 - 98гг. В. успешно воевал с татарами, в 1398 г. у него просил помощи Тохтамыш... Наличие военные силы В. подкреплялись татарами, которых он много поселил в пределах Литвы после походов 1397 – 98 гг., мало интересуясь вопросом о вере...» -

(Энциклопедический Словарь Брокгауз и Ефрон, Биографии, т. 4.) - Более чем вероятно, что «вопросом о вере» была наполнена летопись Смоленского епископа Мисаила, - основная часть «утраченной» Черейской рукописи:

« В рукописи содержится в настоящее время 256 листов: из них первый и последний совсем не нумерованы, второй третий и четвертый нумерованы в новейшее время буквами (а, б, с), а остальные 251 лист пронумерованы арабскими цифрами, едва ли не в 18 столетии. Некоторые из этих цифр (в правом углу листов) оказываются срезанными. Кроме этой нумерации, сохранилась и старая, церковно-славянскими цифрами внизу страницы... В этой старой нумерации заметны две ошибки ... она сделана после утраты двух листов. Церковно-славянская нумерация сделана тогда, когда в рукописи было уже перепутано несколько листов... В соответствии с текстом после л. 236 должны следовать л. 239 – 243, 237, 238, 244 и сл.»...

«Книга именуемая... список Нестора «содержит 618 миниатюр из которых пять (№198а – 201а, 218а) были наклеены сверху первоначальных рисунков, еще одна (№ 88) приклеена на пустое место л. 38... Рукопись датируется последним десятилетием 15 века, а листы переплета по филиграням – 18 веком... Простой арифметический подсчет свидетельствует, что изученность миниатюр Радзивилловской летописи очень невелика... («Радзивилловская летопись», текст, исследование, описание миниатюр, М., 1994, Предисловие к изданию, с. 5 - 12).- Почему авторы этого исследования «Радзивилловской» летописи не уделили внимания монастырю, в котором она создавалась?

Белорусский журнал «Мастацва» (№9, 2002) опубликовал мою статью «Радзивилловская летопись – памятник культуры Белой Руси», со своим предисловием: «Авторство и место создания (следовательно, и историко-культурная принадлежность) Радзивилловской летописи остаются не исследованными до конца... Московский исследователь Роальд Романов открыл... для белорусской науки совершенно заново, - факты деятельности архитектора и скульптора 15 века Василия Ермолина ... Особенно неожиданно, что одно из доказательств основано на анализе строительной техники, проявившейся в миниатюрах летописи... Василия Ермолина (см. «Мастацва», №7 и №11 за 2001г. – «Пусть откроется скрытое» и «Неожиданная очевидность»)... Теперь о Радзивилловской летописи нужно мыслить и говорить по новому. Отдел эстетики » Но эти утверждения белорусских искусствоведов в предисловие к исследованию Роальда Романова (Царьград Черей, Минск, 2007) - опровергла доктор исторических наук, профессор Е.Н. Кузнецова: «Для того чтобы «мыслить и говорить по новому и признать открытием утверждение автора – «неисторика», противоречащее выводам многих известных историков, необходимо компетентное заключение специалистов... Классификация белорусскими искусствоведами журнала «Мастацва» «родословной» Радзивилловской летописи и уточнений в ней на основе «строительных» миниатюр Василия Ермолина как открытие, на наш взгляд, преждевременна... Исследование деятельности Мисаила Пеструцкого, Василия Ермолина и Аристотеля Фиорованти требуют продолжения... »

Исследование Черейской «до Радзивилловской» летописи, несомненно, не завершено. Но, к сожалению, интерес к этой летописи, проявленный в конце 20 в. РИО (Русским историческим обществом) завершился (пока?) скороспешным изданием Сборника РИО «Антифоменко» (М. 2000). Его авторы, «забыли» о ее белорусской родословной и то, что: «Первые русские летописи были скорее всего созданы юго-западными славянами или даже славянами, проживающими, на территории современной Польши или Пруссии».(Носовский Г.В., Фоменко А.Т., Новая хронология Руси, М., 1997). Конечно, глубоко ошибочным было предположение «неисторика» А.Т. Фоменко о возможном создании Радзивилловской летописи «специально для Петра в 1711 г.», но ведь не менее сомнительно, следующее утверждение маститого московского историка: «Как известно, Радзивилловская летопись входит в группу близких друг к другу летописей владимиро – суздальской ветви летописания. Эта группа представлена прежде всего пергаменной Лаврентьевской летописью... » - Л.В. Милов, К вопросу о подлинности Радзивилловской летописи, («Антифоменко», М. 2000, с. 33). А ведь «приехавший из Германии профессор истории А.-Л. Шлецер, затем русские проф. Х.А. Чебатареv и Н.И. Черепанов использовали Радзивилловскую летопись для подведения вариантов при издании Лаврентьевской летописи». (Радзивилловская летопись, Предисловие, М. 1994, с. 7). И известнейший ректор МГУ - историк С.М. Соловьева (1820 – 1879) тоже утверждал: «История Руси начиналась здесь... на водном пути из Балтийского моря...». Не Москва, не Минск, не Киев, а Черейя около 862 г. оказалась стольным градом Днепро-Двинско-Неманского междуречья, расположившись у огромного Черейско-Лукомского, вероятно, тогда «Белеозера» (по утверждению писца «до Радзивилловской» летописи: «...и седе в Ладозе старый Рюрик, а другой Сиде у нас Белеозере, а третий Трувор в Изборьску»).

Убедителен анализ Л.В. Милова миниатюр Радзивилловской летописи времен кончины Андрея Боголюбского, завершенный ценнейшим для исследования летописи выводом: « Создатели Радзивилловской летописи обладали гораздо большей информацией, по сравнению с той, что использовали, и часть ее «вмонтировали» в миниатюры». (Милов, укр. Соч. с 43). Продолжим этот анализ на примере миниатюры Радзивилловской летописи Л. 230: «Условное изображение города Владимира (справа), Успенского собора в архитектурных формах времени Андрея Боголюбского (!) и великокняжеского терема (слева), пострадавших от пожара... - Пожар бысть Володимери апреля 13, погоре бо малым не весь град, и церкви числом 32, и соборная церковь Святая Богородица Золотоверхая, юже бе украсил благоверный князь Андрей, и та загорелася сверху, и что бяше в ней узорочее... им же несть числа... а ис терема иконы, и книги, и паволоки,... все огонь взя безо утеча...» - (Радзивилловская летопись, Описание миниатюр, М., 1994, с. 391). Автор «условного города Владимира», несомненно, здесь бывал, ему запомнился «Успенский собор в архитектурных формах времен Андрея Боголюбского»! Но почему Его «собору» противоречит «условный

город Владимир»? Ведь изображено здесь не прошлое города, а будущее градостроения с не известными 15 в. мощными консолями-опорами под башенными сооружениями с купольными надстройками. Эффектна аксонометрия этих наклонных выпусков – опор и наклонных кровельных завершения пристроек «града»; удивляют рядовые перемычки значительных размеров (неизвестные зодчим 15-го века, контрастирующие аркам Успенского собора времен Боголюбского). Необычны и малые архитектурные формы над «теремом», которые изображал не ретроград, а зодчий - творец.

Кто все это изобразил на миниатюре конца 15 в.? Может быть Василий Ермолин, - известный реставратор сооружений времен Боголюбского во Владимире, в Юрьев Польском, в Московском Кремле (времен Софьи Витовтовны), - автор первого известного скульптурного изображения Герба Москвы над Фроловскими воротами Кремля...?

Многие «строительные» миниатюры «Радзивилловской» летописи позволяют назвать их автором Василия Ермолина, - для этого он должен был работать в том монастыре, где на бумаге с водяными знаками «голова быка» и «четырёхконечный крест...» - создавалась «Радзивилловская» летопись. А почему на аналогичной бумаге писалось «Хождение за три моря Афанасия Никитина»? Сопоставим приведенные выше сведения о Ермолине, с результатами исследования «Хождения ...» (М., 1958, Я.С. Лурье, Археологический обзор, с. 162 -181):

1) «Рукопись принадлежала Троицкому монастырю (хранилась в казне монастыря под № 17) и обычно именуется Троицкая рукопись...» (с 162).

2) «Хождение...» помещено здесь в одном сборнике с летописным сводом конца 15 в. – Ермолинской летописью...» (с. 176).

3) «Хождение...» могло оказаться в архиве В.Д. Ермолина большого любителя книжности, поставлявшего рукописные книги даже за литовский рубеж...» (с. 177) .

4) «В первой части рукописи преобладает бумага с водяным знаком «бычья голова»..., относящаяся к 30-м годам 16 в. Во второй части – водяной знак «четырёхконечный крест с раздвоенными концами», точно по Лихачеву не определяемый... Подобный знак встречается на некоторых листах первой половины рукописи (например, лл. 123 – 170).» - (с. 174).

5) «Хождение...» в редакции 17 в. дошло до нас в составе летописной компиляции...» (с. 181).

Аналогичность компиляции «Радзивилловского списка» и «Хождения...» заставляет (пока) «неисториков» выявлять уникальный монастырь, обладавший бумагой с указанными водяными знаками. (Случайно ли Историки «забыли» наименование этого монастыря?) Многое указывает на вероятность работы в этом монастыре Василия Дмитриевича Ермолина, удалившегося из Москвы когда? До 1475 г., до начала строительства Успенского собора в Кремле Аристотелем Фиорованти, при участии которого Ермолин, вероятно, возводил существующие стены Черейской Троицкой церкви. - (Роальд Романов, Тайна Аристотеля Фиорованти, «Беларуская минушчына», Минск, 1996, № 4, с. 38- 40). Следовательно, бумагу с

водяными знаками «бычья голова» и «четырёхконечный крест...», вероятно, производили на Лукомской улице в Черее, откуда до 1941 г. поставлялся пергамен для переписчиков Торы. - (Роальд Романов, На Родине Оскара Милоша, «Мишпоха, 2004, № 14, с. 65 – 73).

Вывод Я.С. Лурье о хранении рукописи «Хождения...» - «в архиве В.Д. Ермолина большого любителя книжности, поставлявшего книги за литовский рубеж», сблизив Никитина с Ермолиным, повышает вероятность участия последнего в создании миниатюр «Радзивиловской» летописи в Черейском Троицком монастыре. Многие свидетельствуют и о доработке Троицких списков «Хождения...» Афанасием Никитиным в этом же Черейском Троицком Монастыре. Случайно ли, обозначенная пунктиром схема «Хождения...» Никитина завершается в Смоленске, противореча результатам исследования памятника. Ведь не в Смоленске, а «не доходя до Смоленска (не вступая даже на территорию Русского государства) Никитин умер». (Лурье, ук. Соч. с. 166). Сведения Лурье позволяют ограничить Днепровское «Хождение...» устьем реки Друть; далее, вероятно, по Друти Никитин продолжил путь к Черее, где его - Тверского купца, несомненно, знали «братья по ремеслу», возможно, кто-то из знакомых даже производил бумагу, необходимую для завершения пятилетних дорожных записей. В не случайно «забытой» историками Черее (170 км западнее Смоленска), вероятно, Никитин скончался. В Черейском Троицком монастыре под руководством Василия Ермолина («поставлявшего книги за литовский рубеж» - в т.ч. и в Москву), вероятно, размножалось и «Хождение...», и «Польская летопись».

Многое в Черее должны уточнять археологи (а многие небылицы опровергнуть); ведь в одном из склепов захоронений Черейского Троицкого монастыря, вероятно, покоится прах (известного в 15 в.) Тверского купца Афанасия Никитина. Но археологическую науку (пока?) не заинтересовала даже Черейская Троицкая церковь (ровесница самого древнего в Москве Успенского собора); в подземелье этого храма эпохи Возрождения(!), вероятно, покоится прах Киевского (Всея Руси) митрополита Мисаила (может быть и прах В.Д. Ермолина). Давно ожидает археологов, действовавшее до марта 1942 г. кожевенное производство на Лукомской улице (поставлявшее до 1941 г. пергамен, а в средневековье, вероятно, бумагу с водяными знаками); ожидает их в центре Черей и примыкающее к нынешнему клубу, еврейское кладбище дохристианского периода Беларуси, ожидает католическое кладбище со склепом Милошей и их усадьба, ожидают фундаменты замка Сапег... Ожидают...